

Джано.и
КАЗАНОВА
(1725-1798)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Джаноло
КАЗАНОВА

*История
моей жизни*

Москва

ЭКСМО
2014

УДК 82-94
ББК 84(4Ита)
К 14

Предисловие, комментарии *А. Строева*

Перевод с французского *И. Стаф, А. Строева*

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Казанова Дж.
К 14 История моей жизни / Джакомо Казанова ; [пер. с фр. И. К. Стаф, А. Ф. Строева]. — М. : Эксмо, 2014. — 672 с. — (Зарубежная классика).

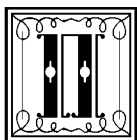
ISBN 978-5-699-70427-9

Мемуары венецианского авантюриста, по совместительству поэта, прозаика, дипломата, тайного агента, историка, непристойное чтение и «эротическая Илиада», яркие рассказы «в лицах», оцененные по достоинству Стендалем, Г. Гейне и Ф. Достоевским. Любовь как смысл жизни и любовь как профессия — в записках знаменитого соблазнителя Джакомо Казановы.

УДК 82-94
ББК 84(4Ита)

© И. Стаф, перевод, 2014
© А. Строев, перевод, статья, комментарии, 2014
ISBN 978-5-699-70427-9 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Записки великого соблазнителя: литература и жизнь

рославленный венецианский авантюрист, «гражданин мира», как он себя аттестовал, Джакомо Джироламо Казанова (1725—1798), чье имя сделалось нарицательным, был не только одним из интереснейших людей своей эпохи, но и ее символом, ее отражением. Перед современниками и потомками, его читателями, он предстал как человек воистину разносторонний, энциклопедически образованный: поэт, прозаик, драматург, переводчик, филолог, химик, математик, историк, финансист, юрист, дипломат, музыкант. А еще картежник, распутник, дуэлянт, тайный агент, розенкрейцер, алхимик, проникший в тайну философского камня, умеющий изготавливать золото, врачевать, предсказывать будущее, советоваться с духами стихий. Но — что истинно в мифе, который он творил о самом себе?

Мемуары Казановы были опубликованы в начале XIX века, когда литература романтизма стала беспрестанно обращаться к легенде о Дон Жуане. Вечный образ Соблазнителя появляется у Байрона и Пушкина, Гофмана и Мериме, Хейберга и Мюссе, Ленау и Дюма. Именно в этой традиции и были восприняты записки Казановы, многие годы считавшиеся верхом неприличия. Их запрещали печатать, прятали от читателей.

Для подобной трактовки были даже чисто биографические основания — Казанова живо интересовался своим литературным предшественником, помогал другу-авантюристу Да Понте писать для Моцарта либретто оперы «Дон Жуан» (1787). Но «донжуанский список» Казановы может поразить воображение только очень примерного семьянина: 122 женщины за тридцать девять лет. Конечно, подобные списки у Стендаля и у Пушкина покороче, и в знаменитых романах тех лет, к которым пристало клеймо «эротические» (как, например, к увлекательнейшему «Фобласу» Луве де Кувре, 1787—1790), героинь

поменьше¹, но так ли это много — три любовных приключения в год?

Личность Казановы оказалась скрыта под множеством масок. Одни он надевал сам — уроженец Венеции, где карнавал длится полгода, потомственный комедиант, лицедей в жизни. Другой маскарадный костюм надели на него эпоха, литературная традиция, вписавшая мемуары в свой контекст. Причем традиции (та, в которой создавались записки, и та, в которой они воспринимались) были прямо противоположными — то, что для XVIII века казалось нормой, в XIX столетии сделалось исключением.

Главное богатство авантюриста — его репутация, и Казанова всю жизнь тщательно поддерживал ее. Свои приключения он немедленно обращал в увлекательные истории, которыми занимал общество («Я провел две недели, разъезжая по обедам и ужинам, где все желали в подробностях послушать мой рассказ о дуэли»). К своим устным «новеллам» он относился как к произведениям искусства, даже ради всемогущего герцога де Шуазеля не пожелал сократить двухчасовое повествование о побеге из тюрьмы Пьемби. Эти рассказы, частично им записанные, после опубликования, естественно переросли в мемуары, во многом сохранившие интонацию живой устной речи, представления в лицах, разыгрываемого перед слушателем. Создавал Казанова «Историю моей жизни» на склоне лет (1789—1798), когда о нем уже мало кто помнил, когда его друг принц де Линь представлял его как брата известного художника-баталиста. Казанове была нестерпима мысль, что потомки не узнают о нем, ведь он так стремился заставить о себе говорить, прославиться. Создав воспоминания, он выиграл поединок с Вечностью, приближение которой он почти физически ощущал («Моя соседка, вечность, узнает, что, публикуя этот скромный труд, я имел честь находиться на вашей службе», — писал он, посвящая свое последнее сочинение графу Вальдштейну). Человек-легенда возник именно тогда, когда мемуары были напечатаны.

Но, воссоздавая наново свою жизнь, перенеся ее на бумагу, Казанова перешел в пространство культуры, где действуют уже иные, художественные законы. Каждая эпоха создает свои

¹ Хотя вот в «Любовных письмах шевалье де***» Бастида (1752) рассказывалось о 144 победах. Список любовных удач — неперменный атрибут светского щеголя, его составляли с большой тщательностью, заучивали наизусть; блестящий «послужной список» обеспечивал новые победы.

собственные модели поведения, которые мы можем восстановить по мемуарам и романам. В своем бытовом поведении человек невольно, а чаще сознательно ориентируется на известные ему образцы (так, французские политические деятели XVII—XVIII вв. старательно подражали героям Плутарха, особенно во времена общественных потрясений: Фронды, Революции, наполеоновской империи; эта традиция дожила до Парижской коммуны). Более того, когда гибнет старое общество (в 1789 г., когда Казанова приступил к мемуарам, пала французская монархия, в 1795 г. после третьего раздела перестала существовать Польша, а в 1798-м, в год его смерти, исчезла с политической карты Венецианская республика, завоеванная войсками Наполеона), именно литература сохраняет память о поведенческих нормах, предлагает их читателю.

Джакомо Казанова принадлежал к двум культурам — итальянской и французской, для вхождения в которую он потратил большую часть жизни. Свои первые литературные творения Казанова писал на родном языке, но в конце жизни полностью перешел на французский (хотя продолжал грешить итальянизмами). В ту пору это был поистине интернациональный язык, на нем говорили во всех странах Европы, а Казанова хотел, чтобы его читали и понимали везде. «История моей жизни» стала явлением французской культуры. Именно в этой перспективе, как нам кажется, наиболее плодотворно рассматривать воспоминания Казановы, хотя, разумеется, и в Италии была сильная мемуарная традиция. Достаточно вспомнить «Жизнь Бенвенуто Челлини» (1558—1566), великого художника и искателя приключений, бежавшего из тюрьмы, немало лет проведенного во Франции, как и наш герой.

Мемуары Казановы, вызвавшие поначалу и у читателей, и у исследователей сомнения в их достоверности (библиофил Поль Лакруа даже считал их автором Стендаля, действительно высоко ценившего записки венецианца), в общем, весьма правдивы. Для многих эпизодов нашли документальное подтверждение уже в XX веке. Разумеется, Казанова старается подать себя в наиболее выгодном свете, умалчивает о том, что порочит его, но во многих случаях он нарушает хронологию, переставляет местами события, объединяет однотипные (например, две поездки на Восток превращает в одну), следуя законам повествования, требованиям композиции. Логика сюжета, действий того персонажа, которого он рисует на страницах мемуаров, может подчинить себе правду жизни. Так, когда благодетельница и жертва Казановы маркиза д'Юрфе порвала отно-

шения с ним, он сообщает читателю, что она умерла — для него она перестала существовать.

В «Истории моей жизни» отчетливо видны несколько сюжетных традиций: авантюрного и плутовского романа, психологической повести, идущих из XVII века; романа-карьеры и романа-«списка» любовных побед, сложившихся во Франции в эпоху Просвещения; и мемуаристики. Именно на их фоне и проявляется истинное своеобразие записок Казановы.

Во Франции, как это часто бывает, интерес к мемуарам пробуждался после периодов сильных общественных потрясений: религиозных войн (1562—1594), Фронды (1648—1653). В прозе тогда доминировали многотомные барочные романы, где в возвышенном стиле воспевались героические и галантные приключения многовековой давности — как в «Артамене, или Великом Кире» (1649—1653) Мадлены де Скюдери. Мемуары, описывавшие недавнее прошлое, приносили в литературу подлинные и жестокие события, кровавые драмы, любовные интриги, воинские подвиги, примеры высокого благородства и расчетливой подлости. Именно под воздействием мемуаров стали возникать в конце XVII века психологические повести («Принцесса Клевская» г-жи де Лафайет, 1678), вытеснившие барочный эпос, подготовившие почву для «правдоподобного» романа XVIII века.

Воспоминания писали (или, реже, за них сочиняли секретари) королевы (Маргарита Валуа, Генриетта Английская), министры (Сюлли, Ришелье, Мазарини), вельможи, придворные дамы, военачальники, судейские, прелаты (герцоги Буйонский, Ангулемский, Гиз, де Роган, мадемуазель де Монпансье, маршал Бассомпьер, первый президент парламента Матье Моле, кардинал де Рец и др.), писатели-аристократы (Агриппа д'Обинье, Франсуа де Ларошфуко). Популярность мемуаров была столь велика, что на рубеже XVII—XVIII веков началось взаимопроникновение «художественной» и «документальной» прозы. Появились поддельные воспоминания подлинных исторических лиц. Их во множестве изготовлял одаренный литератор Гаэтан Куртиль де Сандра, самые известные из них — «Мемуары г-на д'Артаньяна» (1700), где мушкетеру приносят удачу воинские подвиги, шпионство, плутни, политические интриги и, главное, успехи у женщин.

Одной из самых распространенных жанровых форм стали «романы-мемуары»: из трех с половиной тысяч романов, изданных во Франции в XVIII веке, 243 носят название мемуаров. Чтобы доказать «правдивость» своих произведений, писатели подробно рассказывают, где, при каких обстоятельствах к

ним попала «подлинная» рукопись. Возникли устойчивые композиционные приемы: повествование ведется одновременно от лица и молодого героя, и пожилого рассказчика, оценивающего свои юношеские поступки. Подобная двойная перспектива делает текст открытым для все новых сюжетных ходов, вставных историй; predeterminedная заглавием развязка (раз это мемуары, значит, герой после любых приключений остался жив¹, добился положения в обществе и взялся за перо) вынуждает автора оттягивать неинтересный ему финал, и потому романы, как и подлинные мемуары, часто оказываются незавершенными, бросаются на полуслове.

Французским прозаикам XVIII века развязки вообще плохо давались: роман, открытый, подражающий жизни жанр, не терпел искусственных ограничений.

Но взаимодействие романа и мемуаров шло не только в эстетической области, не ограничивалось открытием новых тем, сюжетов, композиционных приемов, ранее недоступных сфер жизни и быта, казавшихся «внехудожественными». Выработывалась новая концепция человека, рушился идеал героического дворянского поведения. В XVII веке воспоминания по большей части писали не победители, а побежденные в гражданских войнах, они создавали их в тюрьмах (Бассомпьер), в изгнании (д'Обинье), в опале (Ларошфуко), в монастыре, отединившись от мира (Рец). Воспроизводя заново свою жизнь, мемуаристы мечтали взять реванш, победить пером своих врагов, раз оружие оказалось бессильным, а борьба бесцельной.

За годы преданной службы поэт Агриппа д'Обинье (1550—1630), сподвижник Генриха IV, «козел отпущения», как он сам себя называл, был двенадцать раз ранен в живот, четырежды приговорен к смерти, вынужден покинуть родину, кончить дни на чужбине. Политические противники и антиподы: Ф. де Ларошфуко (1613—1680), автор знаменитых «Максим» (1664), защитник старых дворянских идеалов, благородный воин, и изощренный политик, последователь Макиавелли кардинал де Рец (1613—1679), искусно манипулировавший общественным мнением, престонародьем, — оба проиграли в схватке с кардиналом Мазарини.

Дворянский индивидуализм, толкавший страну на путь

¹ Одно из немногочисленных курьезных исключений — перевод-пересказ мемуаров Казановы на русском языке под названием «100 приключений» (1901), сделанный К. Введенским, где Казанова гибнет в середине жизни — якобы тонет корабль, на котором он возвращается из Англии во Францию.

войн и междуусобиц, уступал государственному абсолютизму, объединявшему и подавлявшему людей. Неумевшие приспособиться оказывались ненужными. В новую эпоху дворянин должен был не сражаться, отстаивая высокие цели, а угождать, нравиться — королю, министрам, их фавориткам; служебная карьера строилась по законам обольщения. Аристократия утратила свой бунтарский запал и начала сходиться с политической сцены, уступая место третьему сословию.

И в XVIII веке появляются воспоминания разночинцев. В предыдущем столетии это было почти невозможно¹. Напомним, что мемуары как жанр изначально были рассказом о важных государственных событиях, и потому их автор, бравший на себя роль историка, мог писать о себе в третьем лице (как д'Обинье), соединять обе формы (как Ларошфуко). И лишь когда воспоминания приобретали отчетливо выраженную личностную окраску, сближались с романом, как, например, мемуары Реца, верх брало «я». Но даже в этом случае любовные события оказывались менее значимы, чем политика и война. Интерес к сфере частной жизни в «художественной» и «документальной» прозе усиливался по мере того, как отдельный человек выключался из сферы общественной, политической жизни. Знаменитая фраза Людовика XIV «Государство — это я» значила, что судьбы страны вершит он один, остальным делать нечего.

«Низкая» жизнь мещанина по нормам классицистической эстетики могла описываться только «отстраненно», от третьего лица. Жанр плутовского романа требовал рассказа от первого лица, и во Франции XVII века их героями (в отличие от испанских пикаро) становились обедневшие дворяне (как во «Франсионе» Ш. Сореля, 1622). Только позднее, в романах эпохи Просвещения, простолюдин сумел завоевать право голоса: сперва в текстах стали появляться их устные вставные рассказы, а уже затем возникли романы-мемуары мещан, сумевших выбиться в люди. Тем самым литературный герой оказался равен по положению и читателю (который себя с ним невольно отождествлял), и автору (ведь он сам творит, воссоздает свою жизнь). Первым образцом романов такого типа был «Удачливый крестьянин» Мариво (1735), вызвавший многочисленные

¹ Правда, в конце своих «Занимательных историй» (1657—1659), сборника анекдотов об известных людях того времени, сын банкира литератор Талеман де Рео посмел включить рассказ о «любовных приключениях автора», отнюдь не возвышенных, а грубовато плотских, но опубликована рукопись была только в начале XIX века.

подражания. Одним из главных средств подняться вверх по социальной лестнице (и для мужчин, и для женщин) были любовные победы, с той только разницей, что крестьянка, выйдя замуж за графа, становилась графиней, а вот крестьянин, женившись на аристократке, увы, только низводил жену до своего уровня (как, например, в «Удачливом солдате» Е. Мовийона, 1753). Поэтому простолюдин должен был разбогатеть, пустить в ход свои финансовые, литературные или иные таланты, как это сделали знаменитые разночинцы XVIII столетия — Вольтер, Руссо, Бомарше.

Разумеется, их мемуарное наследие неравнозначно. Руссо оставил «Исповедь» (1764—1770, опубл. 1781—1788), совершившую переворот в европейской психологической и автобиографической прозе¹. Вольтер написал свою официальную биографию (Исторический комментарий к творениям автора «Генриады», 1777) и небольшие, но яркие мемуары, рассказывающие о его взаимоотношениях с королем прусским Фридрихом II («Мемуары для жизнеописания г-на де Вольтера», 1758—1760, опубл. 1784). Бомарше же предпочитал жанр «мемуара» — юридического документа, где излагаются обстоятельства судебного дела, но писал подобные сочинения столь часто, подробно и живо, что превратил их в рассказы о самых ярких моментах своей судьбы (четыре мемуара против судьи Гезмана, 1773—1774, мемуары против Корнмана и Бергаса, 1786—1789, против своего обвинителя Лекуатра, 1793). В характерах всех троих, нимало не схожих авторов, есть одна общая и немаловажная черта: авантюризм, неукротимое желание пробиться наверх, присущее разночинцам. Как объявил адвокат Сийес в январе 1789 года: «Что такое третье сословие? В с е. Чем оно было до сих пор в политической жизни? Н и ч е м. Чего оно требует? С т а т ь ч е м - н и б у д ь».

Жизнь великих французских просветителей, заботившихся о всеобщем счастье, была отнюдь не благодатной. Их арестовывали, сажали в тюрьму (Дидро, Вольтер, Бомарше), изгоняли на чужбину, сжигали их книги рукой палача (Руссо, Вольтер). Правда, и сами они были не идеальными людьми. Великодушие в них сочеталось с эгоизмом, смелость и независимость оборачивались бесцеремонностью. Обаятельнейшие, интереснейшие собеседники были весьма неуживчивыми

¹ Казанова Руссо недолюбливал и к «Исповеди» отнесся критически, хотя в какой-то степени подражал ей: «Я наделал в жизни немало глупостей и исповедуюсь в них столь же искренне, как Руссо, но с меньшим самолюбованием, чем этот великий человек».

людьми. Приключения юности, описанные Руссо, напоминают плутовской роман (бродяга, слуга, воришка, доносчик). И Вольтер, и Бомарше, считавший себя его учеником, были талантливыми финансистами и сколотили огромные состояния с помощью банковских и торговых махинаций (нередко откровенно мошеннических). Они выполняли негласные и даже шекотливые дипломатические поручения, неутомимые путешественники были, по сути, тайными агентами французского короля. Оба писателя легко играли роли царедворцев, льстивых придворных, умели войти в милость к государям (их жаловали чинами, дворянством), но они сами навлекали на себя опалу свободолюбивыми выходками.

Именно такими были и самые знаменитые авантюристы XVIII века, которых во множестве притягивала Франция, — Казанова, Калиостро, Сен-Жермен, не говоря уже о многих других, также появляющихся на страницах «Истории моей жизни»: шулер и бретер маркиз Даррагон, «вечный должник» барон Сент-Элен, учитель танцев Кампиони, «чернокнижник» Пассано, граф Медини и даже некий Карл Иванов, выдававший себя за сына герцога Курляндского. Успех искателей приключений отражал главное противоречие эпохи Просвещения, слепо верившей в силу разума и тянувшейся к иррациональному. Философы и политики желали исправить общество, сделать людей насильно счастливыми и ввергли их в пучину террора. И чем ближе надвигалась революция, чем сильнее было ощущение конца времен («После меня хоть потоп» — как пророчески говаривал Людовик XV), тем больше появлялось магов, алхимиков, астрологов, прорицателей, чародеев, целителей (несомненными экстрасенсорными способностями обладали Сен-Жермен и Калиостро, да и великий Франц Месмер, открыватель «животного магнетизма», пользовался огромной популярностью во Франции конца века, где возникли целые секты его последователей).

Конечно, Казанова не отставал от других. Он излечил от ломоты Латур д'Оверня, избавил от прыщей герцогиню Шартрскую, посоветовав соблюдать щадящий «магический» режим, продал принцу Курляндскому рецепт изготовления золота, завлекал алхимическими опытами принцессу Ангальт-Цербстскую, мать Екатерины II (разумеется, к магическим операциям своего конкурента Сен-Жермена он относился более чем скептически). Венецианец предсказывал будущее, блестяще владея криптографией, мгновенно составлял зашифрованные послания своему Духу и сам отвечал за него. Завоевывая доверие людей, он прибегал и к простым трюкам (отыскивал спря-

танный им же кошелек, чертил пентаграмму, которую украдкой подсмотрел в книге), и к сложным психологическим ходам. Так, предсказав юной красавице м-ль Роман, что она станет фавориткой короля, а ее сыну суждено осчастливить Францию, он внушил ей мысль отправиться из Гренобля в Париж, где на нее обратил внимание любвеобильный Людовик XV¹. Как писал Казанова, «если предсказание не сбывается, то грош ему цена, но я отсылаю снисходительного моего читателя ко всеобщей истории: там обнаружит он множество событий, какие, не будь они предсказаны, никогда бы и не совершились».

Можно ли считать всех этих авантюристов обыкновенными плутами и обманщиками? Искатели приключений давали обществу то, чего оно требовало. В них концентрировалась энергия надвигающихся социальных катаклизмов, они служили закваской, бродилом грядущих перемен. Авантюристы, во множестве колесившие по Европе, разносили по городам и странам новые слова, моды, художественные вкусы, политические идеи. Они предвосхищали те перемещения народов, перекройку карты Европы, которую принесут революция, наполеоновские войны. Они проникали во все слои общества, общались с крестьянами и королями, философами и шлюхами. Они рушили социальные и государственные границы, отменяли старые нравственные нормы, совершали своего рода «сексуальную революцию». Как писал Стефан Цвейг, эпоха уничтожила сама себя, создав наиболее законченный тип, самого совершенного гения, поистине демонического авантюриста — Наполеона.

Французская исследовательница Сюзанна Рот, рассмотрев судьбы авантюристов XVIII века как единый текст, выделила основные качества, характеризующие «образцового» искателя приключений: непредсказуемость, импульсивность, сосредоточенность на сегодняшнем дне, вера в удачу, доходящая до суеверия, богатая фантазия, прожектерство, смелость, решительность, даже жестокость, гедонизм, эгоцентричность и общительность, любовь к внешним эффектам, обманам, мифотворчеству, к игре, умение плести интриги. Разумеется, всеми этими качествами в полной мере обладал Казанова — привилегированный объект ее анализа, и все они важны. Но, думается, главным было другое — оставаясь самим собой, быть зеркалом

¹ Если в XVI веке Агриппе д'Обинье роль сводника при Генрихе IV казалась постыдной, то в XVII веке и Ларошфуко, и Рец использовали женщин для достижения своих политических целей.

своего собеседника, среды, в которую он попадал. И в этом — тайна его успеха.

Ярче всего импровизационный дар Казановы проявился в беседе с Фридрихом Великим, когда он попеременно обращался в ценителя парков, инженера-гидравлика, военного специалиста, знатока налогообложения. Но так всегда и везде, и нередко, чем меньше знает он, тем вернее успех. В Митаве он, сам себе удивляясь, дает полезные советы по организации рудного дела, в Париже оказывается великим финансистом. В большинстве случаев достаточно просто молчать — собеседник сам все расскажет и объяснит. Так, неплохой химик Казанова «учил» таинством алхимии их знатока маркизу д'Юрфе, так вел ученые беседы с великим швейцарским биологом и медиком А. Галлером, черпая необходимые для ответов сведения из самих вопросов. Для него дело принципа — бить соперника его же оружием, и потому столь гордится он победой над польским вельможей Браницким, вынудившим его драться не на шпагах (как он привык), а на пистолетах. Но главное оружие Казановы — слово. Он с юности умеет расположить к себе слушателя, заставить сочувствовать своим невзгодам (в этом, как он сам подчеркивал, одно из слагаемых успеха). И в Турции, как он сам уверяет, Казанова не остался потому, что не желал учить варварский язык. «Мне нелегко было, одолев тщеславие, лишиться репутации человека красноречивого, которую я снискал всюду, где побывал». Он владеет пером, хотя до поры до времени пишет только ходатайства другим (неизменно удачные) да литературные поделки. Человек начитанный, прекрасно знает античную, итальянскую, французскую литературу, разбирается в театре, живописи. Столь старательно изучал он «книгу жизни», столько профессий сменил (учился в Падуанском университете, в 17 лет защитил диссертацию по праву, был и аббатом, и солдатом), столько путешествовал, что, казалось, ничто не могло смутить его. И потому такой болезненной для его самолюбия оказалась встреча с Вольтером. Казанова попытался посостязаться с «атлетом духа» в знании литературы, остроумии, превратил их диалог в обмен разящими репликами и проиграл. Великий человек дал понять Казанове, что он пустое место, что за оболочкой слов нет реальных дел, что он — жалкая пародия на него самого, и этого авантюрист не мог простить философу. Поклонение сменилось неприязнью, он обрушился на Вольтера с язвительными и, как сам признавался, не слишком справедливыми памфлетами.

Но была, конечно, область, в которой темпераментный венецианец превосходил не только слабосильных Вольтера и

Руссо, но и многих других, — эротическая. Т. Бачелис очень тонко подметила, анализируя фильм «Казанова» Федерико Феллини (1976), что итальянский режиссер показывает богато одаренного человека, который тщетно пытается применить свои таланты, но среда требует от него только сексуальной энергии. Общество действительно диктовало Казанове определенные нормы поведения. Францию, законодательницу моды, непреерекаемый авторитет в вопросах любви, Людовик XV превратил в огромный гарем, изо всех краев и даже из других стран прибывали красотики, родители привозили дочек в Версаль — вдруг король обратит внимание во время прогулки. А юная О'Морфи попала из рук Казановы в постель короля благодаря написанному с нее портрету, понравившемуся монарху (сказочный сюжет о любви по портрету превратился во вполне современную историю о выборе девицы по изображению). «Его Величество поселил ее на квартире в Оленьем парке, где положительно держал свой сераль».

Конечно, на этом фоне аппетиты Казановы кажутся весьма скромными. Почему же его мемуары Стефан Цвейг назвал «эротической Илиадой»? Почему столь непристойными казались они буржуазно-чопорному XIX веку?

Потому, что это не традиционные мемуары государственного мужа или писателя, где любовные увлечения — только фон. Как в романе, любовь — один из высших смыслов существования Казановы, она и делает его великим. Но здесь нет и не может быть финальной свадьбы, вознаграждения добродетели и развенчания порока. Естественное чувство свободно и бесконечно, в нем самом его оправдание. «Я любил женщин до безумия, но всегда предпочитал им свободу».

Кроме того, изменились представления о литературной норме: романы Андре де Нерсиа или маркиза де Сада, созданные на исходе эпохи Просвещения, гораздо неприличнее, не говоря уже об откровенно порнографических книгах типа «Картезианского привратника» (1745), изъятых у Казановы инквизиторами при аресте. Во французской литературе XVIII века, от Кребийона-сына до Лакло, была подробно разработана теория соблазнения, «наука страсти нежной» (главный постулат ее — улучшить подходящий «момент» и решительно им воспользоваться, признавать женскую добродетель на словах, а не на деле). Разумеется, Казанове она была хорошо знакома, и он охотно завязывает с женщинами психологическую игру, смешит, интригует, смущает, заманивает, удивляет (таковы, скажем, его приключения с г-жой Ф. на Корфу, К. К. в Венеции, м-ль де ла М-р в Париже). «Уговаривая девицу, я угово-